

Голос «Нашего современника»

Александр Иванович Казинцев (1953-2020) принадлежит к числу моих любимых и уважаемых публицистов. Его разговор с читателем в «Дневнике современника: хроника сопротивления», который он вёл в журнале «Наш современник» с 1991 года, я ждала каждый месяц, выписывая журнал. Многоголосье России звучало в ответ на размышления о ней известного критика, публициста и поэта Александра Казинцева, который вспоминал уже в 2001 году: «Дневник пишется беглым, взволнованным почерком с о в р е м е н н и к а роковой эпохи. Я продолжаю говорить — будто звук выключили! Я пишу — горше, яростней, вывереннее — не читают...».

Не то, чтобы его именно не читали, не читали уже никого, реакции стало меньше, потому что захлестнули жизнь «господа и совки, паханы и лохи, козлы и тёлки — и миллионы других, без названия, имени, без будущего. Роль заботника, хранителя,

да хотя бы и ночного сторожа при России в такой компании нелепа», — пишет Александр Иванович, все же исполняя эту роль хранителя русской традиции, её культуры и веры, думая о неудаче личной и национальной, потому что каждый год его жизни обогащался опытом, мастерством, болью, силой, а непрочитанность стала проклятием каждого мыслящего автора. Во многом под его влиянием вынашивалась моя мечта об издании литературного журнала «Берега». Может быть, поэтому Александр Иванович сразу согласился войти в редакционную коллегию издания «Берега», познакомившись с первыми номерами и ощутив духовное родство, помогая и привлекая в журнал известные имена, а в большей мере талантливую молодёжь в своей известной благородством манере.

В 2023 году 4 октября Александру Ивановичу исполнится 70 лет, и мне бы хотелось, чтобы мы вновь его прочли и прислушались к нему. Сегодня я размышляю о его статье «Вдохновенная ошибка».

Выход на общение с молодёжью

Александр Казинцев писал мне 18 июля 2018 года: «Литература действительно обмельчала. Да ведь и читатель, само общество обмельчали. Я помню, как читали в 80–90-е годы — запоем! Как глубоко переживали и переосмысливали прочитанное. Этот процесс познания литературы захватывал даже не тысячи — миллионы людей. И общество откликалось не на нахальные выходки журналюг, спортсменов, шоуменов, а на голос таких писателей как Валентин Распутин, Василий Белов, которых по справедливости можно было назвать «совестью нации».

Но вот беда: поняв это, я перестал писать. Для кого? Как когда-то Феллини ответил на вопрос, почему он ничего не снимает: «Мои зрители умерли». И читатели — тоже.

Но хоть как-то меня оживляет общение с молодёжью.

В прошлом году Андрей Тимофеев и его команда пригласили меня на обсуждение Пушкинской речи Достоевского. Я выступил и на основании выступления написал статью... Всё-таки я много лет работал с Распутиным и Беловым, в юности подружился с Арсением Тарковским — собеседником Ахматовой и Цветаевой. Я несю в себе традицию русской культу-

ры, которую тот же Арсений Тарковский продолжил, получив её от поэтов начала прошлого века. Господи, какая же это временная даль! И никому она не нужна... Сейчас уже не могут не то, что получить и использовать этот опыт — не понимают, не видят самого его существования в наследниках, людях, ещё живущих среди современных».

И вот эту статью Александр Иванович прислал в журнал — «Берега», хотя она была уже опубликована в «Нашем современнике», но и в «Берегах» она тоже нашла себя. Когда я её прочла, то предложила Александру Ивановичу другое название, на что автор ответил: «Название «Разочарование во всемирности» точно передаёт моё отношение к Пушкинской речи. Но оно входит в противоречие с самой речью. Получается, что это не я, а Фёдор Михайлович во всемирности разочаровался. Во всяком случае, так я это воспринимаю. Поэтому, если можно, оставьте прежнее название «Вдохновенная ошибка».

Восприятие Пушкинской речи

Могла ли я противоречить учителю? Статья о Пушкинской речи гения была напечатана. Александр Иванович задаётся вопросом в ней: несмотря на самую большую известность речи из всех произведений Достоевского, она сегодня «прочитана ли»? А тем более «с должной глубиной и ответственностью?» Знают ли сегодня русские люди о том, с каким восторгом была встречена Пушкинская речь? И почему?

Вот как писал сам Ф. М. Достоевский после своего выступления, после этой вдохновенной, приведшей зал в восторг и почти в психоз речи: «...Зала была как в истерике, когда я закончил, я не скажу тебе про рёв, про вопль восторга. Люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга. «Вы наш святой, вы наш пророк!» «Пророк, пророк!» — кричали в толпе... Я бросился спастись (так! — А.К.) за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное — женщины. Целовали мне руки... Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств».

Теперь уже невозможно даже представить, чтобы подобное происходило вокруг имени какого-либо писателя на всей планете. А с Достоевским это произошло в 1880 году в зале Дворянского собрания.

Причины патриотического экстаза

Причины этого небывалого восторга А. Казинцев подробно разбирает. Сначала он называет объективную: «Завершался Золотой век русской литературы. Эпоха, в начале своём давшая А.Пушкина, Н.Гоголя, М.Лермонтова, Ф.Тютчева, а в полноте сил — А.Толстого, И.Тургенева, Ф.Достоевского. То было вершинное проявление национального духа, выше которого Россия ничего не дала». Достоевский охарактеризовал этот период русской литературы, как вершину литературы всемирной, как «самую славную из всех эпох» в мире.

«Не забудем и о факторе субъективном, — продолжает наш современник. — Первоначально открытие памятника Пушкину было намечено на 26 мая по старому стилю — день рождения поэта. В двадцатых числах литераторы, представители различных обществ и учреждений начали съезжаться в Москву. Но 22 мая умерла жена Александра II императрица Мария Александровна. На следующий день газеты опубликовали извещение: открытие памятника в связи с трауром откладывается. Называют новую дату 4 июня, затем — 6 июня.

А публика съехалась! Более двух недель десятки знаменитостей и сотни восторженных ротозеев колобродят по Москве. Устраивают торжественные обеды (25 мая в ресторане гостиницы «Эрмитаж» чествовали Достоевского). Участвуют в литературно-музыкальных вечерах (6 июня на одном из таких вечеров Достоевский прочёл монолог Пимена из «Бориса Годунова»). Общественная жизнь кипит, и с каждым днём вынужденного ожидания градус повышается!»

В этой цитате главное слово — общественная жизнь. Казинцев отмечает, что причины нервной взвинченности публики связаны именно с тем, что общественной жизни в России в полном смысле этого понятия тогда не существовало. «Власть строго следила, — писал Александр Иванович, — за тем, чтобы начавшееся после реформ Александра II оживление в обществе замыкалось на местном уровне. Пушкинские торжества давали легальный повод придать этой активности всероссийский масштаб. «Прогрессивная» Россия ждала судьбоносного, пророческого слова. И с каждым днём промедления всё истовее, всё исступлённей».

Содержание Пушкинской речи

Обращаясь к содержанию Пушкинской речи, Александр Казинцев указывает на планетарную отзывчивость Пушкина, так обозначенную Достоевским: «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин».

«Да, — продолжает цитирование Достоевского Александр Иванович, — назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и все-соединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии».

И далее с позиций сегодняшнего дня Казинцев слегка иронизирует: «Изречь окончательное слово» европейской и мировой истории — было от чего восторженно взречь не избалованной похвалами отечественной публике!» Критик отдаёт должное высоте духа величайшего писателя, подлинного сына русского народа, его творчеству, родившемуся из духовного опыта его народа, которому необходима святость при всей его окаянности, который тяготеет к уравниловке, умственной зрелости и одухотворению. «Любовное смирение — это огромная сила», — эти слова старца Зосимы высвечивают из личности самого Достоевского, который позволял себе в «Дневнике писателя» немало нелестных слов, например, о «полячишках» и других народах. Но он как бы забывает об этом, глядя на «всечеловечность» русских через призму пушкинского творчества. Нелестность отзывов Достоевского объясняется горячей любовью сильной личности к своему народу и к его Отечеству.

Пушкинская речь была произнесена её автором за полгода до смерти. Что хотел Достоевский сказать напоследок русским людям? Поделиться мечтой о взаимопонимании народов. Это та часть «Русской мечты», о которой сегодня неустанно говорит Александр Проханов: «Глубинное содержание российской цивилизации, меняя свои внешние формы, облекаясь из века

в век в различные ризы и одеяния, оставалось неизменным в своей сокровенной сущности. Это была мечта об идеальном бытии, божественной гармонии, создающей справедливое царство, где нет насилия, гнёта, тьмы, попирания сильным слабого, богатым бедного, где побеждена самая страшная, преследующая род людской несправедливость, — побеждена смерть.

Образ этого царства переселился из языческих сказок в православное вероучение, в философию космистов, в мистерии поэтов и музыкантов, в политические декларации народовольцев и коммунистов. Этот образ и теперь живёт как мечта в глубинах народного чувства, не давая народу пропасть, побуждая его сражаться и строить, направляя его к совершенству.

Русская Мечта о справедливом государстве есть драгоценное достояние Русского Мира, который задуман Творцом как хранилище этого восхитительного замысла».

И Достоевский сказал тогда в Пушкинской речи о высоком предназначении своего народа, которое он видит в том, чтобы «вызывать это взаимопонимание, принимать души других народов братски», «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся».

Призвание русского человека берётся под углом «вселенскости, христианского универсализма». Достоевский был продолжателем учения Хомякова о вселенскости жизни церкви и о призвании русского народа — быть глашатаем этого братского вселенского единения силою духа Божия.

Так в чём «вдохновенная ошибка»?

Александр Казинцев, отдавая должное могучей мысли Достоевского о вселенском служении русского народа, обращается к сегодняшнему дню, полагает, что тут много утопизма и идеализации, хотя «тезис о всемирном служении России чрезвычайно соблазнителен». Недаром В.Соловьёв положил его в основу знаменитой «Русской идеи».

Так почему Александр Казинцев назвал Пушкинскую речь Достоевского «вдохновенной ошибкой»?

«Ошибочные тезисы, — говорит Александр Иванович, — порождали и ложные цели. Достоевский видел назначение рус-

ского народа в том, чтобы «внести примирение в европейские противоречия». Но, во-первых, европейцы нас об этом не просили. Жизненный опыт показывает, как опасно навязываться с непрошеными благодеяниями. Во-вторых, в XIX веке, когда европейские страны десятилетиями враждовали из-за клочка земли (Эльзас в борьбе Франции и Германии — иллюстрация классическая), такое «примирение» было невозможным. Оно состоялось в XX столетии после двух мировых войн. Европу объединила не нравственная проповедь, а материальная выгода общего рынка».

Не согласен наш современник — Александр Казинцев, и с тем, что Достоевский рассматривал крестьянство как монолит, от лица которого он изобличал тогдашнюю элиту, не обращая внимания на расслоение крестьянства к концу XIX века, ошибка — сведение писателем понятия народа к крестьянству: «Сельчане питались «наполовину лебедой, мякиной, отрубями» (newrefs.ru. Пореформенное помещичье хозяйство). А Достоевский манил их «единением всечеловеческим»!»

И завершает своё мнение о гениальной «ошибочности» Александр Иванович так: «Наконец, предельно алогичный тезис речи о «служении» Европе: «...Что делала Россия во все два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо больше, чем себе самой?»

«Сомневаюсь, — делится своими размышлениями Казинцев, — что это соответствовало интересам русского крестьянства. Не народный дух, а скудоумие петербургской элиты, направляемой такими ненавистниками России, как Карл Нессельроде, стало причиной позорного «служения»! За которое Европа «отблагодарила» войной 1812 года, Крымской и Первой мировой.

Не достаточно ли, чтобы разочароваться во «всемирности»?

Александр Иванович не намерен упрекать Фёдора Михайловича в чрезмерном обольщении Европой. Достаточно и либералов, которые немало поработали над переписыванием нашей истории, над искажениями в мировоззрении русских художников. Казинцев говорит: «Мне отвратительно распространившееся нынче кликушество, когда неофиты патриотиз-

ма и Православия дерзают бесчестить выдающихся писателей и мыслителей. Достоевский — один из глубочайших критиков и даже обличителей современной ему Европы».

Казинцев ссылается на августовский выпуск «Дневника писателя», где помещена «Пушкинская речь», и где, отвечая на критику А. Градовского, Достоевский пишет: «Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже создававшийся в ней без Церкви и без Христа... с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, — этот создававшийся муравейник, говорю я, весь подкопан». Да и Освальд Шпенглер, когда писал «Закат Европы», он ведь говорил о духовно-нравственном закате.

Александр Иванович, учитывая реалии сегодняшнего дня, предлагает помнить и других русских мыслителей, например, Николая Данилевского.

Он, как и многие другие русские мыслители, предлагал своему народу трезвость мышления, разумное занятие своими, русскими и российскими проблемами, своими нуждами, самими собой, когда политики Европы и коллективного Запада воспалились в своей враждебности к России и русским.

Александр Иванович предлагает прислушаться, наконец, к замечательному высказыванию Николая Данилевского в его книге «Россия и Европа»: «...Невозможно и вредно устранить себя из европейских дел, но весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой, русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то или другое событие к нашим особенным русско-славянским целям, какое могут они оказать препятствие или содействие им. К безразличным в этом отношении... событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они... происходили на Луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должно всемерно содействовать — и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение; на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества...»

В одном популярном американском фильме герой произносит: «Должен остаться кто-то один». Я часто слышу эту фразу,

которая так ложится на действия ультраглобалистов. Время показало, что Запад не просто антагонист наш, нашего Русского мира, а он ему враждебен. И враждебность эта только усиливается, превращаясь в схватку за существование.

Присоединяюсь к Александру Ивановичу в его сожалении о том, что призыв Николая Данилевского до сих пор не услышан, что русское сердце и русская мысль всё также пленяются красотой фразы, масштабом рассуждений и обещаний, вместо того, чтобы трезво опираться на факты, поддерживать любовь к своей стране, к своей культуре, к своей конкретике, — исторической, социальной и политической